

ЛЕВ АННИНСКИЙ

ВЕТЛА И РОЗА

*Валерий Дударев. Ветла и другие стихотворения. Издательство
“Художественная литература”. 2016 год*

Теперь, когда через 15 лет после выхода первой “Ветлы” Валерий Дударев присовокупил к той книге вторую под тем же именем, присяга тогдашней, первой, читается как начало неотменяемого поэтического пути.

При ощущении гибели, опасность которой изначально таится вокруг.

При готовности преодолеть страх этой таящейся гибели.

И то, и другое: и ощущение конца, обречённости, беззащитности этой реальной жизни, и ощущение того, что эта обречённость преодолима.

В начальном стихотворении каждая строчка дышит этой перекличкой конца и начала, обречённости и неодолимости, обёрнутости ада и рая.

Когда от молний ночь светла...

Вы слышите? Молнии традиционно испепеляют нашу жизнь...
И они же – освещают её!

В окошках вздрагивают лица...

Вздрагивают – от предчувствий? И при этом люди продолжают с любопытством смотреть в окошки...

*Но наша старая ветла
от молний вряд ли загорится...*

“Вряд ли...” Какая осторожная опасливость в этом обороте... И вера в живучесть старой ветлы...

*Возможно, лес сгорит дотла,
возможно, сгинут звери, птицы...*

Ничего себе, предположение... И какая готовность к концу! К концу бытия, к концу жизни, к горькому финалу!

Но старая ветла от молнии не загорится...

Рефрен! Живительное упрямство. Вера в жизнь, ощущаемая вместе с беззащитностью этой жизни...

Мы можем бросить все дела...

Это что за дела, которые так легко бросить? Из пионерско-комсомольской деловитости — в созерцание духа и тела...

А дальше?

Мы можем спянуть, можем спиться...

Это уже аксессуар и застоя. Благосостояние оборачивается то ли разгулом, то ли распадом, и вообще раздрызгом...

А ветла, проросшая и перегоревшая в поэзии Валерия Дударева, в этот момент исторической катастрофы, нависшей над страной, над реальностью, над начавшейся судьбой?..

Ветла не загорится!

Вот такое горькое начало, не поддающееся концу.

Так как же сбережется бытийное равновесие в реальности, которая окатывает ужасом? Кровавый оскал Афгана, бунт Чечни, конец родного государства, опустошение земли и души?

Леденящие силуэты...

*Бутылки бабка собирает,
Что в праздник выпила страна...*

*Лишь у колодца, хмур, лаская кабысдох,
Далекой той войны последний инвалид...*

Могут ли эти бутылки и этот кабысдох унять боль от происходящего в стране и мире?

В Дудареве просыпается ярость:

*Сгорают звезды, люди, царства...
Испепеляющий конец!
И нет на свете государства,
В котором умер мой отец...*

Горстку русских ветеранов в потерянной земле добивают латышские стрелки. Где взять силы, чтобы увидеть людей в этих переметнувшихся остервенелых вояках?

Спасает душу всё та же вера в неистребимое добро, диктуя Дудареву строки, потрясающие по силе эмоционального самоотречения:

*Счастлив тем, что в этой жизни краткой
Никого, браток, не убивал...*

*Сиротой Ахмедку не оставил,
Не оставил беженку вдовой.
Одногодка мой во вражьем стане
Воротился к матери — живой.*

Пережить такой катарсис — и остаться верящим, что жуть реальности можно преодолеть... Только рядом появляются кривые осины... Только бы утешиться их неверным теплом, сказав себе:

Все в жизни само собой.

И беда “сама собой”, и преодоление беды — “сама собой”. Это — секрет Дударева. Секрет в том, чтобы не терять самообладания. И верить, что земля — родная земля — не враждебна. И быть с ней заедино.

Рыбку поймашь — жизнь хороша!

*Думаешь про грустное, напрасное
Смотришь, а душа ещё цела.*

Потом удивляешься: как это всё получилось?

А надо верить в свой путь.

Всё ближе к северу манят созвездия. Всё ближе душе — Отечество!

Окликнуть старуху в глухом, незнакомом селе (впервые увиденном) — разделить с ней краюху, испить из её крынки (бутылку оставив соседям). А после...

Вот пронзительный финал первой книги:

*А после скупого прощанья
Услышать: “Исусе, спаси!”
Сдержат вековые рыдания
И дальше пойти по Руси.*

Два десятилетия спустя Валерий Дударев ещё раз оглядывается на пройденный и продолжающийся путь — во второй части “Ветлы”.

Новый век — новая реальность. Новый стиль?

Менять стиль, откликаясь на потребу публики, настроенной на эффектные контрасты, — немисливо для Дударева. Он стилия не меняет.

И всё-таки некоторая перемена на рубеже веков ощущается. В новой книге стоят рядом, встык — два стихотворения, названные одинаково: “Поэзия”. Намёк на сравнение?

Стихотворение 1991 года выдержано в духе внутреннего равновесия и даже умиротворения. Мол, поэзия — дело и новое, и старое. Дело тихое и громкое. Главное, чтобы “ходики тикали”.

В стихотворении 2002 года тиканье прерывается тревожным сигналом:

*Наречье гиблое продлится
И, может статься, в свой черёд
Через века, через границы,
Через сомненья перейдёт...*

Случилось что-то? Что? Ждать ли объяснений в каком-нибудь придорожном притоне? Поможет ли запоздалая молитва? Или мелькнёт вечерняя молния?

Молния, в стихах середины 90-х годов разгонявшая изначальный мрак, вспыхивает роковым образом в начале 2010-х. Смысл надо высвечивать заново?

Старый погреб напоминает о детстве. Из этих завязей сала и капустки всходит звезда Древней Руси. Только вот храмы стоят всё ещё обезглавленные. И оды прошлому то и дело звучат вздором. И рядом с весенней фигурой Ахматовой на Невском спуске — Флоренский, через рощу идущий под пистолет... Ад и рай перемешаны в прошлом и настоящем... А в будущем? И в будущем неразличимы — ад и рай.

Но вот чисто дударевское: никакого отчаяния от этой смеси. Никакой безысходной паники. Жить, несмотря ни на что! Помня о смерти.

*Любви ликующая сила
О смерти молит напрямик.*

О жизни, преодолевающей смерть, молят миражи русской провинции. Скитанье Руси величественно. Блаженство уязвимо. Мир вокруг непредсказуем. Достаточно обернуться на Грузию:

*Вкус обрыва крутой
В неизбежности рога.
В наготы над Курой
Смята первая роза...*

Но не смятая роза, как и не беззащитная под шквалом осина встают в поэзии Дударева рядом со спасённой ветлой, хотя именно её спасение помогает держаться душе в ситуации вселенского ада-рая.

Вот маленький шедевр Дударева, удерживающий поэзию в реальности... Цитирую полностью и столбиком, чтобы передать не только веяние бездн, но стройность строфы:

*Нет стихов хороших.
Нет стихов плохих.
Есть в деревне лошадь.
Лошадь — это стих.*

Плохи ли, хороши ли стихи — в контексте бытия это не разрешает загадки смысла.

А что разрешает?

Да лошадь же! Спасительница деревенская! И в страду мирной пахоты, и в лотерею воинской атаки.

Казачья удаля соединяется с крестьянским долготерпением... Это и есть поэзия.

Это судьба поэта, родившегося в Москве, валившего лес в Якутии, исходившего вдоль и поперёк великую страну и в финале Колымской трассы осознавшего великий страдальческий опыт России.

Судьба поэта, вписывающего свой опыт в контекст тысячелетней культуры. Избравшего опухалом неувядаемую Ветлу.